

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2472](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2472)

Е. А. Варшавер, А. М. Хабибуллин, А. Д. Самосудова, А. В. Шульц

**«ПО ОТЦУ» ИЛИ «ПО ОБОИМ РОДИТЕЛЯМ»?
ВАРИАЦИИ ДЕСЦЕНТНОГО КЛАССИФИКАТОРНОГО ПРАВИЛА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО ЧЛЕНСТВО В ЭТНИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ
В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ**

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Хабибуллин А. М., Самосудова А. Д., Шульц А. В. «По отцу» или «по обоим родителям»? Вариации десцентного классификаторного правила, регулирующего членство в этнических категориях в современном Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 176—201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2472>.

For citation:

Varshaver E. A., Khabibullin A. M., Samosudova A. D., Shultz A. V. (2024) 'From Father' or 'From Both Parents'? Variations of the Descent Classificatory Rule Regulating Membership in Ethnic Categories in Modern Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 176–201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2472>. (In Russ.)

Получено: 12.08.2023. Принято к публикации: 08.12.2023.

«ПО ОТЦУ» ИЛИ «ПО ОБОИМ РОДИТЕЛЯМ»? ВАРИАЦИИ ДЕСЦЕНТНОГО КЛАССИФИКАТОРНОГО ПРАВИЛА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ЧЛЕНСТВО В ЭТНИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

ХАБИБУЛЛИН Арсен Маратович — стажер-исследователь Международной Лаборатории Прикладного Сетевого Анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: af.aren@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6605-8247>

САМОСУДОВА Анна Дмитриевна — студентка ОП «Социология» Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: adsamosudova@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0455-5817>

ШУЛЬЦ Алина Вивьен — студентка ОП «Городское планирование» Факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: aedrozdova_1@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7900-9839>

‘FROM FATHER’ OR ‘FROM BOTH PARENTS’? VARIATIONS OF THE DESCENT CLASSIFICATORY RULE REGULATING MEMBERSHIP IN ETHNIC CATEGORIES IN MODERN DAGESTAN

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research; Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Arsen M. KHABIBULLIN² — Research Intern at International laboratory for Applied Network Research, HSE University

E-MAIL: af.aren@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6605-8247>

Anna D. SAMOSUDOVA² — Student of the Sociology program at the Faculty of Social Sciences

E-MAIL: adsamosudova@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0455-5817>

Alina Viven SHULTS² — Student of the Urban Planning program at the Faculty of Urban and Regional Development

E-MAIL: aedrozdova_1@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7900-9839>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Как передается членство в этнических категориях в современном Дагестане, если речь идет о семьях, родители в которых относятся к разным национальностям? На материале 133 интервью, взятых в городских и сельских поселениях Дагестана, в статье демонстрируется, что в республике существуют два основных классификаторных правила. Первое, патрилинейное, предполагает, что национальная принадлежность передается по отцу, а национальность матери не играет роли. Второе, амбилинейное, предполагает, что ребенок в «смешанном» браке классифицируется как представитель обеих — отцовской и материнской — национальностей. Такой ребенок часто определяется информантами как «метис», и наблюдается тенденция к этнизации этой категории. Результаты исследования представлены в двух частях. В первой на основании нарративов информантов описывается содержательное функционирование правил наследования национальной принадлежности. Во второй на основе анализа массива данных, созданного за счет кодировки и квантификации интервью, демонстрируется, что патрилинейное правило распространено преимущественно в сельской местности, в то время как амбилинейное — в городах. В дискуссии представлены гипотезы, описывающие происхождение обоих правил в Дагестане, прояснена релевантность исследования правил наследования национальной принадлежности для современной конструктивистской теории этничности, а также показано, как за счет распространения амбилинейного правила может произойти иррелевантизация этнической классификации.

Abstract. The article studies the transmission of membership in ethnic categories in modern Dagestan, focusing on families where parents belong to different nationalities. Based on the material of 133 interviews conducted in urban and rural settlements of Dagestan, the authors demonstrate that two main classificatory rules coexist in the republic. The first, patrilineal, assumes that nationality is transmitted through the father, and the nationality of the mother does not play a role. The second, ambilineal, assumes that a child in a mixed marriage is classified as a representative of both paternal and maternal nationalities. Such a child is often defined by informants as “mestizo”, and there is a tendency toward the ethnicization of this category. The results of the study are presented in two parts. The first part describes, based on informants’ narratives, the functioning of the descent-based rules of nationality transmission. In the second part, based on the analysis of a data set created through coding and quantification of the interviews, the authors demonstrate that patrilineal rule is widespread mainly in rural areas, while ambilineal rule is prevalent in cities. The discussion presents hypotheses describing the origin of both rules in Dagestan, clarifies the relevance of the study of the descent classificatory rules for the modern constructivist theory of ethnicity, and shows how, due to the spread of the ambilineal rule, ethnic classification might become irrelevant.

Ключевые слова: этничность, Дагестан, десцентное правило, этнические классификации, национальности

Keywords: ethnicity, Dagestan, decent rule, ethnic classifications, nationality

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgments. The article was prepared within the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Введение

Несмотря на то что, согласно современным подходам, этничность определяется через особое классификаторное правило, согласно которому дети «наследуют» классификаторную категорию родителей [Chandra, 2006; Chandra 2012; Варшавер, 2023; Варшавер, 2022a] (это правило известно как десцентное¹, то есть связанное с наследованием), сами по себе эти правила редко оказываются в фокусе исследований этничности. Наиболее важным исключением являются работы, посвященные гиподесценту — правилу, согласно которому детей родителей, относящихся к разным этническим категориям в этнически иерархизированных контекстах, приписывают к менее престижной категории из двух [Hollinger, 2003; Sharfstein, 2006]. Кроме того, в некоторой степени, к таким исследованиям можно отнести те, где изучается вопрос самоидентификации детей, родившихся в «смешанных» браках². Здесь, по сути, имплицитно используется классификаторное правило, согласно которому человек тот, кем он сам себя считает [Zotova et al., 2018; Акуленко, 2019; Stephan, Stephan, 1989]. Уровень внимания к вопросу наследования категории, однако, и близко не соответствует теоретической значимости этого явления для понимания этничности как таковой. Действительно, все существующие этнические категории (как бы последние ни определялись и чем бы ни ограничивались) пополняются в первую очередь именно посредством определения детей в категорию родителей. Более того, наличие того или иного классификаторного правила для детей от «смешанных» браков — это социальная универсалия. Изучение этого правила (или этих правил) важно в контексте изучения закономерностей, описывающих динамику этнических классификаторных систем. Очевидно, что у этнических категорий и классификаций есть начало и конец во времени. Если классификаторное правило говорит о том, что у мужчины А и женщины Б рождается ребенок и А, и Б, а не А или Б, и таких детей становится все больше, можно предсказать, что через несколько поколений большинство людей будет в той или иной степени и А, и Б (и В, и Г), а значит,

¹ От англ. *rule of descent*. Базово этот термин используется в антропологической литературе, посвященной социальным классификациям, и означает наследование детьми социальной категории родителей, а также прав и обязанностей, связанных с принадлежностью к ней. Современные исследования этничности используют этот термин применительно к этническим категориям. В российской литературе этот термин пока практически не используется, и для сохранения связи с англоязычной литературой, было решено «калькировать» термин.

² Так далее, для простоты, будут называться ситуации, когда дети рождаются у родителей, принадлежащих к разным этническим категориям. При этом дети могут рождаться вне брака, и в такой ситуации вопрос их этнической классификации не снимается, а, наоборот, встает острее. Кроме того, сама по себе идея, что такой брак именно смешанный (при том, что может быть и так, что жена вступает в этническую категорию мужа или же это явление никак не называется) — это скорее культурный факт, нежели универсалия.

классификация теряет социальный смысл. И, напротив, если этническая принадлежность определяется по одному из родителей, даже если все больше детей будет рождаться в «смешанных» браках, сама классификация от этого не пострадает.

Осенью 2021 г. один из авторов статьи в составе исследовательской группы наблюдал за мероприятиями переписи в Дагестане и, в частности, за тем, как люди отвечали на вопросы об этнической принадлежности [Варшавер, 2022b]. В абсолютном большинстве случаев, когда участникам переписи было необходимо назвать национальность детей, родители которых принадлежали к разным национальностям (согласно переписным процедурам, домохозяйство переписывалось со слов одного его члена), дети были отнесены к категории, к которой принадлежал отец. Это удивило членов исследовательской группы (выросших в некавказской европейской части России), потому что привычным для них классификаторным правилом является отнесение таких детей одновременно и к категории отца, и к категории матери («наполовину А, наполовину Б»). Было решено выяснить, насколько универсально зафиксированное классификаторное правило для Дагестана и есть ли у него есть вариации. Для этого летом 2022 г. в рамках экспедиции НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново» было проведено исследование правил классификации детей от «смешанных» браков в разнообразных локациях Дагестана. Было собрано 133 глубинных интервью с людьми, родившимися в республике. Каждый из них ответил на вопрос, в котором моделировалась ситуация «смешанного» брака и предлагалось классифицировать ребенка, рожденного в нем. Ниже будут приведены результаты этого исследования, показана и статистически объяснена вариативность десцентного классификаторного правила в Дагестане, а также сделаны предположения о том, с чем эта вариативность может быть связана и о чем — в том, что касается большой теории этничности — эта вариативность может говорить.

Обзор литературы

Теоретическая «неуловимость» этнических феноменов отмечается многими авторами³ [Isajiw, 1993; Phinney, 1990]. Долгое время попытки определения этничности осуществлялись посредством выявления наиболее распространенных признаков, отличающих представителей одних этнических категорий от других — языка, разных аспектов материальной культуры, фенотипических характеристик и пр. [Hutchinson, Smith, 1996; Charsley, 1974]. Параллельно велась дискуссия о соотношении таких явлений, как раса, нация, этническая группа, в рамках которой зачастую именно типы признаков играли дефиниторную роль (раса — фенотипические, этническая группа — культурные, нация — политические, территориальные) [Connor, 1978; Sollors, 2008; Wimmer, 2013]. Эти определения, претендуя на универсальность, чаще всего исходили из особенностей контекста, в отношении которых создавались. По мере появления все большего количества компаративных исследований, а также исследований, одновременно анализирующих существенно различающиеся и территориально отстоящие друг от друга контексты (возможно, ключевым таким исследованием можно считать классическую работу Д. Горови-

³ Baumann T. (2004) Defining Ethnicity. The SAA Archaeological Record. September. P. 12—14. URL: https://documents.saa.org/container/docs/default-source/doc-publications/tsar-articles-on-race/baumann2004a.pdf?sfvrsn=fb3bcc2a_2 (дата обращения: 25.01.2024).

ца «Этнические группы в конфликте» [Horowitz, 2001]), становилось понятно, что, с одной стороны, не существует «обязательного набора» отличительных признаков, который бы присутствовал во всех контекстах, с другой — рядоположенные явления, интуитивно относимые к этническим, присутствуют от контекста к контексту. Последующая работа состояла в концептуализации этой интуиции. Влиятельнейшей до настоящего времени остается традиция, заданная норвежским ученым Ф. Бартом, определявшим этнические группы как производное от регулярных актов «сигналирования об [этнической] границе», которые осуществляются на основании специально выделяемых для этого «особенностей культуры» [Barth, 1998]. Упомянутые особенности могут быть очень разнообразными, и их содержание роли не играет — важны сами акты различения, поскольку на их основе регулируется социальная жизнь (членство в категориях, коммуникация между «представителями» категорий и пр.). Это и подобные ему определения, однако, критиковались как слишком широкие [Jakoubek, 2019; Isajiw, 1993; Vermeulen, Govers, 2000]: культурные маркеры — это универсалия социальной жизни, и указывают они далеко не только на членство в интуитивно понимаемых этнических, но и в любых других социальных категориях. На волне этой критики стали появляться определения, уходившие от апелляции к культуре, — шла ли речь о реально существующих культурных особенностях этнических групп или о сигнальной системе, использующей культуру как ресурс для отбора маркеров принадлежности, и обращавшие внимание на то, что, членство в этнических категориях обычно передается от родителей к детям. Именно это, десцентное, правило, являющееся по сути правилом социальной категоризации новых членов общества, и стало дефиниторным для этничности в рамках этого подхода. Наиболее важными современными его проponentами являются политологи Дж. Ферон и Д. Лэйтин, а также К. Чандра. Первые, среди прочего, указывают, что этнической является «группа, бо́льшая, чем семья, членство в которой определяется на основе нисходящего родства»⁴. Вторая подчеркивает, что такое правило членства является *единственной* дефиниторной характеристикой этничности, определяет этническую идентичность (ключевой для нее термин) как «подтип [социальных] категорий, для определения членства в которых обязательно используются наследуемые атрибуты» и — в связи с одновременной краткостью и сущностью — называет это определение минималистическим [Chandra, 2006, 2012]. В России этот подход также используется для определения этничности, в частности, Е. А. Варшавер, отсылая одновременно к Барту, Чандре и В. А. Тишкову⁵, определяет этничность как «организацию различий, конструируемых вокруг категорий, членство в которых наследуется» [Варшавер, 2022а: 43].

Но как именно наследуется членство или, говоря иначе, какие правила лежат в основании социальной классификации рождающихся детей? Несмотря на важность вопроса наследования для теоретического осмысления этничности, эмпири-

⁴ Fearon J., Laitin D. D. Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity. Working Paper. 2000. URL: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Ordinary-Language-and-External-Validity-Specifying-Concepts-in-the-Study-of-Ethnicity.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

⁵ Тишков В. А. Этничность как форма социальной организации // Видеолекции. Валерий Тишков: Официальный сайт. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html> (дата обращения: 16.02.2024).

ческие исследования социальной категоризации детей не выделились в отдельное направление, и чтобы описать актуальные научные представления об этом вопросе, необходимо собирать их «по частям» из исследований, вопрос в которых ставится существенно иначе, или которые напрямую на этот вопрос не отвечают, а также из «общего знания» разной степени верифицированности (например, что «у евреев считается по матери»). Наиболее разработанной в литературе темой, непосредственно касающейся вопроса наследования членства и социальной классификации, является вышеупомянутое гиподесцентное правило, согласно которому дети, родившиеся у представителей разных этнических категорий в иерархичных системах, классифицируются в качестве представителей менее престижной категории. Значительная часть таких исследований была сделана на американском материале, где долгое время действовало так называемое «правило одной капли крови», то есть категоризация детей, родившихся в «смешанных» союзах, где один родитель «белый», а другой «черный», в качестве «черных». И если часть таких работ касается истории и институционализации этого правила [Hollinger, 2003; Sharfstein, 2006; Washington, 2011], другая часть фокусируется на том, насколько, несмотря на формальную отмену, оно продолжает функционировать на уровне регуляции социального поведения⁶ [Spencer, 2004] и даже на уровне спонтанного восприятия [Krosch et al., 2013; Peery, Bodenhausen, 2008]. В частности, А. Хо и коллеги [Ho et al., 2011] провели серию экспериментов трех типов, в рамках которых спрашивали респондентов о правилах наследования членства в расовых категориях напрямую, показывали родословные, а также демонстрировали лица людей, родившихся в «смешанных» союзах. Результаты оказались консистентны от одного типа эксперимента к другому — люди продолжают категоризировать других людей на основании гиподесцентного правила. Значительно реже такие исследования проводятся на материале ином, нежели американском [Heuer, 2009; Kowal, 2016], при этом часто именно с последним сравниваются [Skidmore, 2003; Fry, 2006].

Четкие правила категоризации, подобные гиподесцентному, предположительно характеризуют контексты, в которых этничность является важнейшей линией социальной демаркации и ресурсом. Другие контексты могут не иметь настолько четких и эксплицитных регуляций членства в этнических категориях, в результате чего категоризационное решение остается за родителями ребенка (если речь идет о необходимости записи ребенка в официальных документах) или за ним самим, когда он вырастет. Примером исследования выбора родителей является работа Р. Хиа и Т. Перссона⁷, в которой на китайском материале они изучают, как записывают детей в семьях, где один супруг хань, а второй относится к другой этнической категории. На основании математических моделей исследователи показывают, что, решая, какой будет формальная этническая принадлежность детей, родители частью исходят из институциональных материальных стимулов (например, пособия «малым

⁶ Campbell M. E. The «One-Drop-Rule»: How Salient is Hypodescent for Multiracial Americans with African American Ancestry? CDE Working Paper No. 2003—11. Madison, WI: University of Madison—Wisconsin. URL: <https://cde.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/839/2019/01/cde-working-paper-2003-11.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).

⁷ Jia R., Persson T. Ethnicity in Children and Mixed Marriages: Theory and Evidence from China. Working Paper. 2014. URL: <https://sticercd.lse.ac.uk/seminarpapers/dg251113.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

народам»), частью — ориентируются на существующие классификаторные нормы и традиции. Примером исследования личной самоидентификации людей, родившихся в «смешанных» союзах — работа К. Стефан и В. Стефана [Stephan, Stephan, 1989], в которой они изучают, как классифицируют себя американцы, имеющие одновременно японское и латиноамериканское происхождение, и приходят к выводу, что идентификация связана с культурой, в которой информант, по его представлению, воспитывался, и, если он одновременно воспитывался в нескольких культурах, вероятность того, что его идентификация будет «смешанной» — выше. Такого рода исследований множество [Fishman, 2004; Zotova et al., 2018; Ang, Shik, 2013; Teicher, 1968], но важно отметить, что они в большинстве базируются на имплицитно заложенном в концепте самоидентификации представлении, согласно которому категориальное членство можно свободно выбирать, в то время как, во-первых, эта свобода ограничена, во-вторых, это ограничение частью задается как раз имплицитными правилами членства (главным из которых и является десцентное правило, гласящее, что этническая категория человека должна соответствовать этнической категории одного или обоих его родителей). Существующие в России немногочисленные исследования проблемы категориального членства детей осуществлялись почти исключительно в описанной «самоидентификационной» логике [Губанова, Кызы Манафова, 2015; Акуленко, 2019; Кутявина, Малышева, 2010], и иных подходов к вопросу в российской литературе зафиксировано не было. Таким образом, исследование общих правил, регулирующих классификацию детей в качестве представителей тех или иных категорий, во-первых, новое для российского контекста, во-вторых, важно в целом в связи с одновременной центральностью вопроса наследования членства в этнических категориях для общей теории этничности, и недоисследованностью этой темы в международной науке.

Контекст исследования

Дагестан — республика в составе РФ, большая часть современной территории которой окончательно вошла в состав Российской империи по результатам Кавказских войн [Покровский, 2009]. Тогда же — в конце XIX века — стала происходить хозяйственная интеграция этих территорий [Карпов, Капустина, 2011]. Уже в то время в Дагестане существовало значительное культурное и языковое разнообразие, однако важнейшими категориями социальной идентификации для дагестанцев были патрилинейные «тухумы», а также по-разному с ними соотносившиеся сельские общины «джамааты» [Гаджиева, 1985; Магомедова et al., 2021; Хашаев, 2007]. В 1920-е годы в Дагестане, как и везде в СССР, частью на основании наработок этнографов и лингвистов, частью на основании административной прагматики [Hirsch, 2005] и революционной романтики [Алпатов, 2000], были выделены официальные этнические категории — «народности» или «национальности». К переписи 1926 г. был финализирован список из порядка 40 дагестанских народностей, однако затем, в рамках политики по укрупнению национальностей к переписи 1939 г., их количество было редуцировано до 11⁸: авары, даргинцы,

⁸ Понятие «дагестанские национальности» носит условный и часто политический характер. Однако обычно речь идет или о категориях, представители которых «традиционно» проживают в Дагестане, или о категориях, представителей которых в Дагестане больше, чем в других регионах РСФСР или России.

кумыки, лезгины, лаки, азербайджанцы, табасаранцы, русские, чеченцы, ногайцы, евреи. Этот список с небольшими изменениями (в частности, в списке национальностей для переписи 1959 г. снова появляются такие категории, как «цахуры», «рутульцы», «агулы» и «таты»), а из категории «евреи» выделяется отдельная категория «горские евреи») доживает до последней советской переписи 1989 г. В трех же постсоветских переписях список этнических категорий за редким исключением (например, категория «капучины») прекратила существование и была частично — по составу сел — заменена на категорию «бежтинцы») соответствовал списку 1926 г. Хотя специальных исследований не проводилось, можно предположить, что за советский период национальности стали важными категориями идентификации дагестанцев, чему затем способствовала и постсоветская политизация этничности — некоторое время верховным органом исполнительной власти Дагестана был Государственный совет, формировавшийся на этнической основе [Ланда, 2016]. Сейчас политическая важность и социальная релевантность национальных категорий, по всей видимости [Варшавер, 2022b], снижается — частью в связи с исламизацией и релевантизацией религиозных идентичностей, частью — в связи с интенсивной миграцией дагестанцев в другие регионы России и складыванием общедагестанской идентичности.

Методология исследования

Данные, на основании которых была написана статья, были собраны авторами и их коллегами⁹ летом 2022 г. Для этого мы разработали гайд, посвященный современному состоянию этничности в Дагестане, в один из блоков которого вошли вопросы, позволяющие определить представления информанта о правилах членства в дагестанских национальностях. Вот эти вопросы: Какой национальности ребенок в семье, где родители — представители разных национальностей? Если ответ — что по отцу: бывает ли такое, что это определяется по матери / по доли той или иной крови? Бывают ли исключения или контексты, в которых национальность определяется иначе? Что это за исключения и что за контексты? Знаете ли Вы такие семьи и ситуации? Опишите. Кем по национальности там считаются дети? Почему?

Иногда вопрос задавался в форме виньетки по типу «*папа аварец, мама даргинка, кто по национальности их ребенок?*» В гайд, кроме того, вошли вопросы, раскрывающие биографию информанта. Всего было собрано и транскрибировано 133 интервью, которые собирались как в Махачкале и окрестностях (78 интервью), так и в семи горных селах Акушинского, Рутульского и Цунтинского районов — Кубачи (10), Уркарах (6), Аракул (8), Нижний Катрух (8), Ихрек (6), Бежта (8) и Тлядал (9). Выбор сел осуществлялся на основании совокупности причин, среди которых разнообразие номинальной этнической принадлежности жителей этих сел (аварцы, даргинцы, лакцы, рутульцы, бежтинцы, кубачинцы, азербайджанцы), разнообразии районов Дагестана, сложность локальной конструкции этничности и др.

⁹ Авторы статьи благодарны Н. Ивановой, Ю. Гупаловой, М. Гуцунаеву-Малиновскому, С. Кузнецовой, А. Куниной, А. Малиновскому, Д. Похильчуку, А. Ракачевой, А. Орловой и А. Шульге за участие в сборе данных, а также Р.С. Абдулмеджидову, Х.Н. Курбанову, И.Х. Курбановой, Р.М. Магомедовой, А.А. Мурзаеву и С.А. Ниналалову за гостеприимство и помощь с организацией сбора данных. Привлечение студентов к сбору данных стало возможным благодаря программе НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново», а подготовительный этап прошел в рамках мастерской Центра полевых исследований Свободного образовательного проекта «Летняя школа».

Транскрипты интервью были загружены в программу для анализа качественных данных Атлас и в их отношении было осуществлено тематическое кодирование. На первом этапе были созданы общие коды, обозначающие материал, релевантный теме. Затем были созданы частные коды, которые атрибутировались высказываниям, позволявшим определить представления информанта о том, как наследуется принадлежность к национальностям: «по отцу», «по матери», «по обоим родителям», а кроме того — «по документам» (информант считает, что сущностного категориального правила не существует, и национальность человека определяется исходя из того, как он себя запишет / его запишут родители в официальных документах¹⁰) и «по самоидентификации» (информант считает, что ключевым критерием членства является самоидентификация). Тексты, отмеченные кодами, анализировались всем коллективом авторов статьи, основные типы представлений информантов были на этой основе реконструированы и приведены в первой части «результатов исследования». Кроме того, была создана база данных для количественного анализа, в которой позиция информанта преобразована в номинальную шкалу, закодирована персональная информация по информанту (пол, возраст, место рождения и социализации и пр.) и на этом основании осуществлен регрессионный анализ, позволяющий определить факторы, связанные с тем, что информант разделяет тот или иной взгляд на классификаторные правила¹¹.

Результаты исследования

Десцентные классификаторные правила: качественный анализ

Как следует из анализа интервью, в Дагестане сосуществует прежде всего два десцентных классификаторных правила, регулирующих ситуации «смешанных» браков и определяющих этническую принадлежность (национальность) детей от таких браков. Первое правило — патрилинейное, согласно ему, национальность передается по отцу, и, соответственно, национальность детей от «смешанного» брака — это национальность отца ребенка.

Ну, у нас принято считать вообще, что род длится по отцовской линии. Естественно, если отец русский, конечно, он будет русским. (Ж., 56, Тлядал)

Инт.: Ну оцените, папа лакец, мама еврейка. Кто родится?

Инф.: Лакец, конечно. (М., 53, Аракул)

Инт.: Например, если в семье где-то женщина азербайджанка, а мужчина даргинец, у них есть ребенок. И вот кем по национальности будет этот ребенок?

Инф.: Отец если азербайджанец, азербайджанцы. По матери не идет это. Только по отцу. (М., 40, Нижний Катрух)

¹⁰ О «документарном конструктивизме» см. [Варшавер, Орлова, Шульга, 2023].

¹¹ Относительно небольшое количество случаев, включенных в подсчеты (114 всего и 83 в регрессионный анализ), было компенсировано силой и значимостью эффекта, представленного в результатах. С учетом того, что целесообразность использования тех или иных методов является функцией от целей и дизайна исследования, а также интерпретации результатов подсчетов, такие ходы, как квантификация массива и использование регрессионного анализа были определены как целесообразные. Об ограничениях полученных выводов в связи с методом сказано в соответствующем разделе статьи.

Ну, говорят так, допустим, там лачка выйдет за аварца замуж, дети уже аварцы. (М., 29, Махачкала)

У нас искокон считается, что по отцу. Только по отцу. (Ж., 45, Махачкала)

Согласно второму правилу, национальность определяется по обоим родителям и, соответственно, у ребенка — две национальности, которые воспринимаются в определенном долевым соотношении друг к другу.

Инф.: Да, сейчас родилась девочка.

Инт.: А дочка, она кто? Лезгинка или аварка?

Инф.: Полулезгинка, полуаварка. (Ж., 20, Махачкала)

Инф.: Ну, я русский и аварец. (М., 23, Махачкала)

Я метис, получается! У меня мама русская, а отец лакец. (М., 65, Аракул)

В последнем случае человек, родители которого относятся к двум разным национальностям, описал себя как «метис». Этот вернакулярный термин часто используется в Дагестане для описания детей, родившихся в «смешанных» семьях. В некоторых случаях обе национальности впоследствии уточняются, и тогда «метис» скорее выступает собирательным концептом, обобщающим общую идею смешанности кровей.

Не, ну мы знали, что как бы кто какой национальности, знали. Например, нас называли метисами почему-то, то есть это смешанные нации, метисы. (М., 64, Махачкала)

Инф.: В основном всегда говорят, что я метис.

Инт.: А потом перечисляют уже национальности?

Инф.: Да, да, там мама, допустим, аварка, папа — даргинец и все. (Ж., 21, Махачкала)

У нас даже много метисов было, ну, люди, которые родители разной национальности. (М., 21, Махачкала)

В некоторых случаях, однако, это уточнение как будто бы не требовалось — сама категория «метис» для информантов обладала достаточной дескриптивной мощностью. Более того, иногда происходила нарративная этнизация «метисов» — наделение их особенными характеристиками, присущими только этой группе, отличающимися ее от остальных. Иногда эта категория рядопологалась «традиционным» дагестанским национальностям.

Часто говорят если, допустим, какое-то смешение кровей у человека, он говорит — «я метис». (Ж., 20, Махачкала)

Мне очень нравятся метисы люди. Я считаю, это великолепные люди. Великолепно, что даже элементарно две разные крови смешались. (Ж., 29, Махачкала)

Этнизация метисов, впрочем, происходила не всегда, и, напротив, факт рождения в «смешанной» семье (и, возможно, сосуществование разных правил категоризации) становился почвой для рефлексии в отношении собственной этнической принадлежности, тем самым давая пространство нарративу, в рамках которого национальность определяется не на основе установленных правил, а на основе самоидентификации человека, его желания принадлежать той или иной этнической категории.

И вот как-то сидела, и я поняла, что я вообще себя не идентифицирую как русская. Я не могу сесть и подумать вот это мои корни, там вспомнить какие-то русские народные танцы, а вот дагестанский какой-то лад, наряды, вот украшения ношу очень красиво. (Ж., 20, Махачкала)

Вот у меня девочка на работе, у нее папа табасаранец, а мама аварка. Она говорит, что всегда больше к материнской линии тянется, знает аварский. (Ж., 25, Махачкала)

Он, наверное, метисом будет себя считать по национальности, или он может по желанию, какая бы национальность понравилась. (М., 21, Махачкала)

Инт.: А национальность из родителей по кому передается?

Инф.: Допустим, аварец и даргинка если поженились — это уже вопрос ребенка, как, кем себя воспринимать. (М., 37, Махачкала)

Более того, можно предположить, что с увеличением числа национальностей, которые передаются от родителя к ребенку (часто сами родителя ребенка — «метисы»), возрастают также и шансы, что ребенок будет скорее «самоидентифицировать» свою этническую принадлежность, нежели перенимать ее от отца или двух родителей сразу. При этом не играет роли то, как сами родители идентифицировали себя, но важно, что для информанта вопрос определения национальности становится менее однозначным.

Редко говорю, что наполовину даргинка. Хотя там, скорее всего, не наполовину. У меня дедушка азербайджанец, получается, папины родители, бабушка даргинка, а у бабушки там еще кто-то. Русские тоже, кажется, были. Поэтому там все смешалось. А мама чистая лачка. (Ж., 19, Махачкала)

А отец у меня, кровь, которая у меня есть, аварская, даргинская, адыгейская... Один дедушка даже итальянец. Сам я говорю, что я даргинец. (М., 32, Махачкала, 38)

Сама возможность самоидентификации, впрочем, все-таки ограничена имеющимся набором национальностей, «полученных» от родственников из предыдущих поколений — должно быть определенное основание, которое бы послужило поводом к отнесению себя к этнической группе. Иными словами, самоидентификация не означает полную свободу определения национальности, и эта свобода ограничена рамками хоть какого-то имеющегося кровного родства.

Вот то, что я понимаю на данный момент: обязательно для того, чтобы хоть кем-то себя назвать, нужно хотя бы в 10, 13, 15 поколениях, хоть какая-то кровь. Это необходимое условие для того, чтобы я себя условно «кем угодно назвала», хоть аварцем, хоть даргинцем, хоть кумыком и так далее. (Ж., 23, Махачкала)

Да нет, просто, когда ты говоришь, что я человек такой нации, ты подразумеваешь, что просто родился в семье, в которой родители тоже относятся к этой нации. (М., 18, Махачкала)

Инт.: Но вот, допустим, есть семья даргинцев, и, соответственно, у них рождается ребенок, никаких родственников больше нет, только они и ребенок. Соответственно, не исполняется ему даже года — там четыре месяца примерно, и родители попадают в аварию. Ребенок остается сиротой, и его усыновляет семья аварцев. Вот какой национальности будет ребенок?

Инф.: Я говорю: это мы не воспринимаем, это не восприятие... Ему же национальность тоже не привязывают ребенку. Он сам себя будет воспринимать. (М., 37, Махачкала)

Но подкрепляется традициями и воспитанием. То есть, ты не можешь обучиться и сказать: «О, сегодня я решил быть аварцем», все-таки должны быть какие-то родственником. [пауза] Ты же не можешь назвать себя французской гражданкой? (Ж., 23, Махачкала)

В интервью фигурировали и другие классификаторные правила. Они, впрочем, носили скорее дополнительный характер и актуализировались в ситуации, когда по какой-то причине «не работали» правила «по отцу» и «по обоим родителям». Речь идет о двух разнопорядковых правилах — «по матери» и «по документам».

При очевидной распространенности правила передачи национальности «по отцу» ребенок классифицируется как представитель национальности матери, если родители разведены и ребенок остается с матерью, или если отец неизвестен. При этом сам по себе развод не является основанием нарушения правила «по отцу» — для этого развод и отношения с отцовской частью семьи должны носить конфликтный характер.

Если в плохих отношениях с отцом, то есть разведенные. Мать прививает сразу — ты аварец. (М., 26, Махачкала)

Инт.: А, ну, еще вы говорили про то, что есть исключения, что иногда мать, если с отцом...

Инф.: Ну, это просто так складывается. Потому что ребенок растет в материнской семье, то уж куда деться. (Ж., 48, Махачкала)

Инт.: Смотрите, вот вы говорили, что национальность обычно передается по отцу. А в каких случаях это не так?

Инф.: Когда разводятся, и дети остаются у матери, они мамину берут. (М., 65, Аракул)

Своего рода классификаторная коллизия, кроме того, происходила в случае, когда с информантами обсуждалась ситуация, в которой отец принадлежит к одной из «мусульманских» дагестанских национальностей, а мать — к евреям, про которых в Дагестане есть представление, что национальность у них передается как раз по матери. В такой ситуации, однако, информанты не всегда могли просто классифицировать ребенка, но ситуация эта носила скорее умозрительный характер и не была завязана на непосредственный опыт информантов.

Инф.: А у евреев же по матери передается?

Инт.: По материнской линии, да.

Инф.: А мне кажется, что дагестанцы просто не позволяют, чтобы ребенка евреем считали. Все равно он будет аварцем. Не простят такого. Я не знаю такого аварца, чтобы он евреем сделал ребенка. (Ж., 37, Бежта)

Инт.: Ой, а еще вопрос был про браки между разными национальностями. Вот, например, у евреев, у них же национальность передается по матери. И если еврейка выйдет замуж за даргинца, то кем будет ребенок по национальности?

Инф.: Еврей.

Инт.: То есть по матери?

Инф.: По матери. Он еврей же по матери. (М., 75, Аракул)

Что же касается правила «по документам», речь также скорее идет о классификации людей в сложных, спорных случаях — в «смешанных» семьях или в ситуациях, когда сельское сообщество, к которому относится информант, один или несколько раз реклассифицировали на официальном уровне, в результате чего члены таких сообществ стали воспринимать реальность национальностей как внешнюю, не связанную с их реальной идентификацией (детальнее об этом см. [Варшавер, Орлова, Шульга, 2023]).

Потому что в паспорте пишем аварец. Поэтому мы говорим «родной язык» [аварский], а на самом деле говорим мы по-бежтински. (Ж., 65, Бежта)

Можно поменять в паспорте. Поменяй в паспорте, называй себя другой нацией. Кто об этом узнает? (М., 21, Махачкала)

Мать даргинка, отец аварец — пишут [в паспорте] аварец. (М., 35, Тлядал)

Важно, впрочем, также отметить, что в одном интервью могли фигурировать разные, иногда противоречащие друг другу классификаторные правила:

Инт.: Кстати, а на основании чего записывается национальность ребенка, по желанию родителей просто?

Инф.: Нет, по национальности отца.

Инт.: То есть у ваших детей указано, что они азербайджанцы?

Инф.: Да.

Инт.: А вы считаете их азербайджанцами?

Инф.: Нет, они метисы.

Инт.: А что вы имеете в виду?

Инф.: Они наполовину азербайджанцы, наполовину цахурцы. Не знаю, наверное, больше азербайджанцы, потому что отец азербайджанец. Потому что фамилия отца и при этом всем получается, наверное, больше права он имеет на них по этим их этим традициям. (Ж., 38, Нижний Катрух)

Десцентные правила: количественный анализ

Количество собранных интервью позволило провести и базовый статистический анализ, основной целью которого было выявить закономерности, объясняющие взгляд информанта на вопрос наследования членства в национальностях. Получившийся массив не является сколько-нибудь репрезентативным относительно Дагестана, однако квотные вариации, включенные в процедуры отбора информантов, позволяют зафиксировать связь между некоторыми переменными, с одной стороны, и классификаторным представлением, с другой. Таблица 1 описывает, как классификаторные представления распределены внутри массива собранных данных.

Таблица 1. **Классификаторные представления: распределение по основным категориям**

Национальность определяется...	N	%
...по отцу	76	67
...по матери	13	11
...по обоим родителям	59	52
...по самоидентификации	46	40
...по документам	35	31
Всего	114	100

В этой таблице общий N равен 114 (то есть в 114 интервью были реплики, которые можно классифицировать), однако, если суммировать все n, это число будет больше 114, потому что, как говорилось выше, в одном интервью могут встречаться разные взгляды. Наиболее часто транслируется информантами представление, согласно которому национальность определяется по отцу (в 76 интервью или 67 % случаев этот тезис звучал), затем — «по обоим родителям» (59 случаев и 52 %), затем — «по самоидентификации» (40 случаев и 46 %). Остальные представления проигрывают в представленности трем основным. Затем в ходе коллективного анализа текста интервью и использования процедуры триангуляции с каждым информантом была соотнесена одна единственная позиция, и распределение получилось следующим (см. табл. 2):

**Таблица 2. Классификаторные представления:
распределение по объединенным категориям**

Национальность определяется...	N	%
...по отцу	59	52
...по обоим родителям	23	20
Иное (по матери, по самоидентификации, по документам)	22	19
Невозможно определить	10	9
Всего	114	100

Из таблицы 2 видно, что и «идентификаторная» позиция носит скорее маргинальный характер, а две основные «противоборствующие» позиции — это «по отцу» и «по обоим родителям». Насколько, однако, эти позиции действительно противоборствующие? Дополнительные подсчеты позволяют говорить, что в целом да. Из 97 случаев, когда информант высказывал одну или другую позицию («по отцу» или «по обоим родителям»), в 60 из них эта позиция была единственной. В результате именно эти позиции были противопоставлены и преобразованы в бинарную переменную, в отношении которой был осуществлен анализ методом логистической регрессии, позволяющей определить, в каких социально-демографических группах та или иная позиция распространена чаще, и сделать предположение о социальных детерминантах этой позиции. В таблице 3 представлены результаты анализа.

Таблица 3. Результаты логистической регрессии

Предиктор	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Опыт проживания в селе: 1 — жил всю жизнь или долго, 0 — жил недолго, не жил	0,168***		0,191*
Возраст	1,01	1,014	1,009
Гендер: 1 — мужчина, 0 — женщина	0,65	0,696	0,65
Фактическое место проживания: 1 — город, 0 — село		3,738'	1,256
Constant	-4,951	1,281	5,01
N	82	81	81
-2 log правдоподобие	83,240	89,320	82,981
R ² Найджелкера	0,227	0,87	0,223
R ² Кокса и Снелла	0,158	0,124	0,155

' 0,1 > p ≥ 0,05, * 0,05 > p ≥ 0,01, *** p ≤ 0,001

В модель 1 помещено три предиктора — возраст, гендер и опыт проживания в селе. Если информант жил в селе долго или всю жизнь, эта переменная принимает значение 1, если жил недолго, бывает наездами или вообще не имеет отно-

шение к селам — значение этой переменной было 0. Согласно результатам, среди этих переменных единственной связанной с представлениями о принципах наследования членства в национальности является опыт проживания в селе. Отметим, что, как следует из приведенного показателя «отношение шансов», в который был преобразован регрессионный коэффициент, люди, имеющие продолжительный опыт жизни в селе (а скорее всего — там социализировавшиеся) с вероятностью, большей в 6,5 раза, будут считать, что дети в «смешанных» браках принимают национальность отца. Вторая модель проверяет, какую роль играет место жительства на момент проведения исследования. Согласно вычислениям, статистическая значимость связи находится в промежутке $0,05 < p < 0,1$, что интерпретируется или как отсутствие связи, или как связь на предельных показателях значимости. Остальные предикторы продолжают быть не значимы. Третья модель включает все переменные одновременно, и в этом случае значимость места проживания уходит полностью, а опыт проживания в селе остается значимым. Анализ показателя R^2 позволяет говорить о том, что это небольшое количество предикторов объясняет порядка пятой части распределения зависимой переменной. Общий содержательный вывод, однако, состоит в том, что главным фактором из выявленных, который объясняет позицию информанта по вопросу классификации детей от «смешанных» браков, является долговременное проживание (социализация) в селе, или, иными словами, в селах считается, что национальность определяется по отцу, в городе — что по обоим родителям¹².

Дискуссия и выводы

О чем говорят эти результаты? В той мере, в какой этничность — классификаторное явление, а устойчивые коллективные представления о существовании по-разному называемых этнических групп — побочный продукт перманентно производимых индивидами и институтами классификаций [Бубликов, Варшавер, Степанов, 2023], а также в связи с тем, что межпоколенная передача «членства» — основной способ пополнения совокупностей, связываемых с теми или иными этническими категориями, десцентные классификаторные правила, регулирующие приписывание детей, родившихся в «смешанных» союзах, оказываются важны и в теоретическом, и в практическом смысле. В Дагестане налицо сосуществование нескольких (прежде всего двух: «по отцу» и «по обоим родителям») классификаторных правил такого рода. Более того, несмотря на ограничения анализа, можно утверждать, что правило «по отцу» — это представление, распространенное в горной сельской местности, правило «по обоим родителям» — в городе. По всей видимости, речь идет о социальных фактах «фоновом» типа — тех, которые не являются камнем преткновения, но одновременно организуют поведение людей в ситуациях (не самых частых, но регулярно происходящих), когда нужно

¹² Здесь необходимо отметить, что этот вывод должен быть помещен в контекст методологических ограничений. Так, результаты, не включенные в статью, говорят, что в той мере, в какой категоризация «по отцу» сохраняется в городском контексте, ее социальным носителем часто являются религиозные мусульмане, для которых такой принцип наследования переосмысливается через патрилинейность коранического времени и общества. Это позволяет, в свою очередь, предполагать большую сложность распределения десцентного правила в современном Дагестане, которая может быть выявлена в ходе более детального исследования, в том числе с использованием количественных методов.

определить национальность ребенка от «смешанного» союза. Скорее всего, эти правила, наряду с общей картиной мира, усваиваются в процессе первичной социализации и затем не меняются на протяжении жизни. Именно с этим можно связать тот факт, что длительное проживание в селе, а не нынешнее место проживания, «дает на выходе» позицию «по отцу». Но какова природа и происхождение этих сосуществующих и, по всей видимости, конкурирующих представлений?

Можно предположить, что правило «по отцу» — это рудимент представления, существовавшего в Дагестане долгое время и регулировавшего членство в патрилинейных семьях, тухумах и сельских общинах. Патрилинейное правило наследования членства регулировало «социальное размещение» детей, их социальные обязательства, имущественные права и многое другое, являясь, основной «схемой», за счет которой осуществлялись социальные классификации, затем служившие базой для организации социальных отношений. Введение в обиход классификации людей «по национальностям», институционализация этой классификации за счет переписей и разного рода личных документов, а также организация распределения ресурсов на национальной основе (при том, что зачастую людям не транслировались ни теоретические представления о том, что такое национальности, ни инструкции более практического типа, например, касавшиеся определения национальности ребенка от «смешанного» брака) — все это заставляло жителей республики такие теории и инструкции, по сути, создавать самостоятельно. Однако для этого нужны были лекала — сходные социальные феномены, на которые можно было бы ориентироваться. Ими и стали тухумы, а точнее регуляция общественных отношений на их основании и, в том числе, классификаторные правила. Иными словами, произошло транспонирование правил членства в тухумах на новую классификаторную систему по национальностям, первое время непонятную классифицируемым, в результате чего правило членства в национальности «по отцу» прижилось и до настоящего времени многие именно на основании этого правила определяют национальность детей от «смешанных» браков. Косвенный аргумент в пользу этой гипотезы — правило распространено в селах, где в той или иной мере сохраняются и прочие до-модерные представления [Казенин, 2014].

Правило «по обоим родителям», которое, как видно по интервью, значительно больше распространено в городах, имеет другой генезис, и, как можно предположить, было «занесено» в Дагестан в рамках разнообразия модернизационных процессов. Несмотря на обилие литературы посвященной «смешанности» [Gunaratnam, 2014; Childs, Lyons, Jones, 2021; Аюпьян, 2003; Низамова, 2011], сама по себе эта, «естественная» для многих современных обществ, но антропологически нетривиальная, идея, согласно которой ребенок родителей, относящихся к двум разным этническим категориям, будет относиться в той или иной степени к обеим этим категориям, детально не исследовалась на предмет ее генезиса и распространения. Хотя существуют работы, которые на антропологическом материале применительно к линейным группам выявляют правило, согласно которому ребенок классифицируется посредством как отцовской, так и материнской клановых категорий [Lambert, 1966], «естественность» этого правила в западной современности связана, как можно предположить, скорее не с «антропологическим прошлым» соответствующих обществ, а, с двумя более «современными» фак-

торами. С одной стороны, это появление и распространение науки генетики и ко-ренящегося в ней представления, согласно которому ребенок в равной степени наследует отцовские и материнские признаки, с другой — это складывание относительно современных конструкций этничности, в которых по разным причинам возникло правило «смешанности». Например, в Новом свете, откуда (из Канады) было заимствовано и получило глобальное распространение слово «метис», этим словом описывались люди, один из родителей которых был европейцем, другой — индигеном [Adams, Peach, Dahl, 2013; Andersen, 2008]. Какими бы ни были генезис и распространение по миру правила, согласно которому этническая принадлежность ребенка определяется по обоим родителям, в Дагестан оно, вероятнее всего, было «завезено» в советское время. При этом «транспортом» могли быть частью советские учебники биологии, частью — активно переводившиеся и читавшиеся зарубежные исторические романы (например, [Верн, 1990]), в которых фигурировали (и часто романтизировались) «метисы»¹³. Реконструкция этого заимствования должна быть проведена, однако, идея «смешанности» и слово «метис» прижились в Дагестане, и, наряду с патрилинейным правилом наследования членства, определяет практику классификации детей от «смешанных» браков.

Если десцентное классификаторное правило «по отцу» функционирует прежде всего в сельском Дагестане, а «по обоим родителям» — в городском, то с учетом интенсивной урбанизации и старения сельского населения можно предположить, что одно правило постепенно вытеснит другое. Дагестан демонстрирует динамичный контекст, где меняются не только этнические категории и их социальные смыслы, но и элементы конструкции этничности. В частности, правила членства в этнических категориях, ранее не привлекавшие внимание ученых и практически не исследованные. Факт, что корни правила «по отцу» в дагестанском контексте следует искать в до-модерных социальных отношениях, а правило «по обоим родителям» появилось в Дагестане с приходом модерности, отсылает нас к одному из важных разговоров для теории этничности — о том, существовала ли этничность «до модерна» и, если да, в каких формах она существовала и как они модифицировались при переходе к современности. На эту тему существует две знаковые теории.

Автор первой — британский историк Э. Смит [Smith, 1986]. Согласно этой теории, начиная с неолитической революции, стали складываться так называемые «этнии», устойчивые межпоколенные сообщества людей, объединенных представлением о внутреннем сходстве и отличии от всех остальных. Основным инструментом поддержания этого представления были мифосимволические комплексы — совокупности текстов и практик, на постоянной основе сообщавшие членам «этний» различную информацию о происхождении «этнии», особенностях людей в нее входящих и пр. В результате изменений инструментов политической власти, ранее особенно не нуждавшейся в политической лояльности управляемого населения, государства начинают все больше «вовлекать» население в политические процессы. Осуществить вовлечение оказывается проще всего на основе уже существовавших мифосимволических комплексов. Так, на основе домодерных «этний» сложились современные нации.

¹³ За идею трансляции через романы авторы благодарны А. Р. Шерстневой, написавшей на эту тему эссе в качестве отчетной работы по курсу Е. А. Варшавера «Этничность в современном мире» (2023 г.).

Вторая теория была создана советскими этнологами и нашла наиболее полное выражение в работе Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса» [Бромлей, 1983]. В этой, марксистской, работе автор также говорит о том, что этнические феномены прослеживаются во всех социально-экономических формациях. Дискуссионным, впрочем, согласно Бромлею, является вопрос об их существовании в нижнем палеолите. Эти феномены предстают в форме этноса — межпоколенной группы, объединенной, с одной стороны, культурой, с другой — самосознанием. Каждой формации более или менее соответствует «свой» способ бытования этноса: в первобытно-общинной формации он предстает в форме племени, в рабовладельческой и феодальной — в форме народности, в капиталистической и социалистической — в форме нации. Хотя в этой теории не говорится напрямую о приходе «современности», этносы в этот период, во-первых, достигают наибольшей культурной дифференциации, во-вторых, политически консолидируются. Переход от капитализма к социализму, в свою очередь, сопряжен с «культурным сближением» этносов. Эта теория стала объектом разнообразной критики и в данный момент скорее относится к истории науки, нежели к актуальным способам описания мира. Тем не менее в части попытки проследить этнические феномены на протяжении истории, эта теория должна быть упомянута.

Смит также был раскритикован за эссенциализацию «этнической» [Паин, Простаков, 2016], однако, идея важности изучения мифосимволических комплексов актуальна до настоящего времени. Важно, что и первая, и вторая теории, сходясь в том, что этничность регулировала человеческое поведение на протяжении истории, описали эту регуляцию на более не актуальном [Брубейкер, 2012] «группистском» языке. Современный конструктивизм склонен, во-первых, рассматривать национальные, этнические и расовые дифференциации в качестве одного и того же явления, во-вторых, «размещать» их в современности. Лишь в последнее время стали возникать универсальные конструктивистские языки и теории, допускающие существование этничности до модерна. Тем не менее конструктивистских проектов, соразмерных проектам Смита и Бромлея по масштабу, на данный момент осуществлено не было. В той мере, в какой современные конструктивистские языки в целом сходятся на том, что этничность — это классификаторный феномен, в центре которого находятся категории и их разнообразные смыслы, а связка категория-смысл неизбежно существовала и до современности, такое переописание возможно. Более того, работы, в которых те или иные пространственно ограниченные территории анализировались бы на предмет изменения категориальной сетки, смыслов категорий, правил категоризации людей в качестве представителей этнических категории и пр., в том числе на стыке «традиционности» и «современности», могли бы стать важным шагом на пути создания такого переописания. Переход от тухумов и сельских сообществ как основной этнической классификаторной единицы дагестанского общества к национальностям, а также параллельно происходящее изменение правил членства в национальностях, являются в этой связи актуальными задачами.

Результаты исследования позволяют дать прогноз в отношении будущего дагестанских национальностей как классификаторной рамки. Патрилинейное десцентное правило не чувствительно к категориальной экзогамии или, иными словами, «смешанные» браки в случае, если дети, в них рождающиеся, классифицируются

строго «по отцу», не приводят к смешению и последующей деактуализации категорий: у аварца и даргинки ребенок будет классифицирован как аварец, а его ребенок, если он женится на лачке, также будет аварцем. Эта же ситуация в случае функционирования амбилинейного десцентного правила «раскладывается» иначе. Аварской «крови» в таком человеке будет только четверть, о себе он будет говорить как о «метисе», и, с учетом того, что «смешанных» браков в Дагестане становится все больше, такой «генеалогией» будет характеризоваться все больше людей. В результате со временем неизбежно сложится ситуация, при которой «все будут всеми» (как сказал один из информантов: «Аварцы, даргинцы, метисы — все смешиваются со всеми» (М., 21, Махачкала)), а значит, и классификация потеряет свою когнитивную и категориальную значимость. С одновременной релевантизацией прочих классификаторных рамок, например, по религии, а также при том, что ислам в целом негативно относится к «педалированию» этнических классификаций, можно предположить, что классификаторная рамка «дагестанские национальности» со временем «отомрет». А у исследователей этничности появится возможность описать рождение, жизнь и смерть отдельно взятой этнической классификации, тем самым сделав важный вклад в теорию этничности как классификаторного явления.

Список литературы (References)

Акопян Т. А. Детско-родительские отношения как фактор формирования этнической идентичности в национально-смешанных семьях: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003.

Akopyan T. A. (2003) Child-Parent Relationships as a Factor in Formation of Ethnic Identity in Ethnically-Mixed Families. PhD Dissertation in Psychology. St. Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russ.)

Акуленко В. С. Челноки этнических границ: проблема смешанной идентичности детей от смешанных браков корейцев и представителей других этносов г. Владивостока // Актуальные проблемы востоковедения. Сборник научных трудов по итогам работы VIII Международной научно-практической конференции по востоковедению. Вып. 8 / под ред. И. Н. Гузиной. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета, 2019. С. 54—61.

Akulenko V. S. (2019) Shuttles of the Ethnic Borders: The Mixed Identity of the Deceders of the Mixed Marriages between Koreans and Representatives of Other Ethnic Groups in Vladivostok. *Current Problems of Oriental Studies: Proceedings of 8th International Conference on Oriental Studies. Khabarovsk, Russia*. Vol. 8. P. 54—61. (In Russ.)

Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт, 2000.

Alpatov V. M. (2000) 150 Languages and Politics, 1917—2000. Socio-Linguistic Problems in the USSR and Post-Soviet Countries. Moscow: Craft. (In Russ.)

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Bromley Yu. V. (1983) Essays on the Theory of Ethnos. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Brubaker R. (2012) *Ethnicity without Groups*. Moscow: Publishing House of HSE University. (In Russ.)

Бубликов В. В., Варшавер Е. А., Степанов В. В. Деконструкция переписей населения: комментарии и рассуждения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 212—242.

Bublikov V. V., Varshaver E. A., Stepanov V. V. (2023) Deconstruction of Population Censuses: Comments and Considerations. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4. P. 212—242. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Орлова А. А., Шульга А. Е. Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: Свидетельства из Дагестана // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 156—177.

Varshaver E. A., Orlova A. A., Shulga A. E. (2023) Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 6. P. 156—177. (In Russ.)

Варшавер Е. А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 377—396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>.

Varshaver E. A. (2023) Integration of Migrants Through the Lens of a Constructivist Approach to Ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 25. No. 2. P. 377—396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>. (In Russ.)

Варшавер Е. А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022(a). Т. 21. № 3. С. 31—58. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58>.

Varshaver E. A. (2022a) “Stop Beating the Dead Primordial Horse”: Actual Agendas in Constructivist Research of Ethnicity. *Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 3. P. 31—58. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58>. (In Russ.)

Варшавер Е. А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022(b). № 4. С. 199—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>.

Varshaver E. A. (2022b) Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 199—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>. (In Russ.)

Верн Ж. Пятнадцатилетний капитан. М.: Детская литература, 1990.

Verne J. (1990) *A Captain at Fifteen*. Moscow: Detskaya Literatura. (In Russ.)

Гаджиева С. Ш. *Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в.* М.: Наука, 1985. Gadzhieva S. Sh. (1985) *Family and Marriage among the Peoples of Dagestan in 19th—Early 20th Centuries*. Moscow: Science (In Russ.)

Губанова Е. В., Кызы Манафова Н. Ф. Этническая идентичность в смешанных браках // Перспективы развития Восточного Донбасса. Материалы VI-й Международной и 64-й Всероссийской научно-практической конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Шахтинский институт (филиал) ЮРГПУ(НПИ) им. М. И. Платова. Шахты: Южно-Российский государственный политехнический университет (Новочеркасский политехнический институт), 2015. С. 428—433.

Gubanova E. V., Kyzy Manafortova N. F. (2015) Ethnic Identity in Mixed Marriages. In: *Proceedings of 6th International and 64th All-Russian Conference “Perspectives of Development of East Donbass”*. Shakhty, Russia. P. 428—433. (In Russ.)

Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.

Karpov Yu. Yu., Kapustina E. L. (2011) Highlanders after Highlands. Migration Processes in Dagestan in 20th—Early 21st Centuries: Social and Ethnocultural Consequences and Prospects. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. (In Russ.)

Казенин К. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа) // Экономическая политика. 2014. Т. 9. № 3. С. 178—198.

Kazenin K. (2014) Prospects for an Institutional Approach to the Phenomenon of the Polyjuridicism (On the Example of the North Caucasus). *Economic Policy*. Vol. 9. No. 3. P. 178—198. (In Russ.)

Кутявина Е. Е., Малышева С. К. Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 2. С. 47—52.

Kutyavina E. E., Malysheva S. K. (2010) Multiethnic Family as an Environment for the Formation of an Ethnic Identity of a Person. *Bulletin of Lobachevsky Nizhegorodsky University. Series: Social Sciences*. No. 2. P. 47—52. (In Russ.)

Ланда К. Г. Место и роль Государственного совета в формировании властной системы Республики Дагестан // Власть. 2016. Т. 24. № 1. С. 63—67.

Landa K. G. (2016) Place and Role of the State Council in the Formation of the Power System of the Republic of Dagestan. *Vlast' (The Authority)*. No. 1. P. 63—67. (In Russ.)

Магомедова Р. М., Рамазанова Б. Ш., Гусейнова И. С., Нахибашев З. М. Развитие института тухума у народов Западного Дагестана в XIX веке // Образование и право. 2021. № 8. С. 378—383. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-8-378-383>.

Magomedova R. M., Ramazanova B. S., Guseinova I. S., Nakhibashev Z. M. (2021) Development of the Tukhum Institute among the Peoples of Western Dagestan in the

XIX Century. *Education and Law*. No. 8. P. 378—383. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-8-378-383>. (In Russ.)

Низамова Л. Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 5. С. 166—176.

Nizamova L. R. (2011) Mixed Ethnic Identities in a Multicultural Society. *Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series*. Vol. 153. No. 5. P. 166—176. (In Russ.)

Паин Э., Простаков С. Энтони Смит (1939—2016) и его научное завещание: Некролог // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 255—260. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-255-260>.

Pain E., Prostakov S. (2016) Anthony Smith (1939—2016) and His Scientific Testament: Obituary. *The Sociological Review*. Vol. 15. No. 3. P. 255—260. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-255-260>. (In Russ.)

Покровский Н. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2009.
Pokrovsky N. (2009) *Caucasian Wars and Shamil Imamat*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Хашаев Х. М. О. Законы вольных обществ XVII—XIX вв. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007.
Khashaev H. M. O. (2007) *Laws of the Free Societies of 17th—19th centuries*. Makhachkala: Epoch. (In Russ.)

Andersen C. (2008) From Nation to Population: The Racialisation of ‘Métis’ in the Canadian Census. *Nations and Nationalism*. Vol. 14. No. 2. P. 347—368. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2008.00331.x>.

Adams C., Peach I., Dahl G. (2013) *Métis In Canada: History, Identity, Law and Politics*. Alberta: The University of Alberta Press. <https://doi.org/10.1515/9780888647221>

Ang L. H., Shik P. Y. (2013) Mixed Marriages, Language, and Identity: The Children of Chinese-Indian Parentage in Malaysia. *Malaysian Journal of Chinese Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 1—16. URL: <https://www.newera.edu.my/files/mces/MalaysianJournal/MJ%20vol%20no2-1.pdf> (accessed: 18.02.2024).

Barth F. (1998) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Long Grove, IL: Waveland Press.

Chandra K. (2006) What is Ethnic Identity and Does it Matter? *Annual Review of Political Science*. Vol. 9. P. 397—424. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715>.

Chandra K. (ed.). (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, NY: Oxford University Press.

Charsley S. R. (1974) The Formation of Ethnic Groups. *Urban Ethnicity*. P. 337—368.

Childs E. C., Lyons A., Jones S. L. (2021) Migrating Mixedness: Exploring Mixed Identity Development in New York City. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 47. No. 4. P. 782—801. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1654153>.

Connor W. (1978) A Nation Is a Nation, Is a State, Is an Ethnic Group Is a... *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 1. No. 4. P. 377—400. <https://doi.org/10.1080/01419870.1978.9993240>.

Fishman S. B. (2004) *Double or Nothing? Jewish Families and Mixed Marriage*. Waltham, MA: Brandeis University Press.

Fry P. (2007) G. Reginald Daniel, Race and Multiraciality in Brazil and the United States: Converging Paths? (University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2006). *Journal of Latin American Studies*. Vol. 39. No. 3. P. 689—691. <https://doi.org/10.1017/s0022216x07003057>.

Gunaratnam Y. (2014) Rethinking Hybridity: Interrogating Mixedness. *Subjectivity*. No. 7. P. 1—17. <https://doi.org/10.1057/sub.2013.16>.

Heuer J. (2009) The One-Drop Rule in Reverse? Interracial Marriages in Napoleonic and Restoration France. *Law and History Review*. Vol. 27. No. 3. P. 515—548. <https://doi.org/10.1017/s0738248000003898>.

Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, NY: Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9780801455940>.

Hollinger D. A. (2003) Amalgamation and Hypodescent: The Question of Ethnoracial Mixture in the History of the United States. *The American Historical Review*. Vol. 108. No. 5. P. 1363—1390. <https://doi.org/10.1086/ahr/108.5.1363>.

Ho A. K., Sidanius J., Levin D. T., Banaji M. R. (2011) Evidence for Hypodescent and Racial Hierarchy in the Categorization and Perception of Biracial Individuals. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 100. No. 3. P. 492—506. <https://doi.org/10.1037/a0021562>.

Horowitz D. L. (2001) *Ethnic Groups in Conflict (with a New Preface)*. Berkeley, CA: University of California Press.

Hutchinson J., Smith A. D. (eds.) (1996) *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press.

Isajiw W. W. (1993) Definition and Dimensions of Ethnicity: A Theoretical Framework. In: *Challenges of Measuring an Ethnic World: Science, Politics and Reality: Proceedings of the Joint Canada-United States Conference on the Measurement of Ethnicity, April 1—3, 1992*. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office. P. 407—427.

Jakoubek M. (2019) Ethnic Indifference — Fredrik Barth's Conceptual Blind Spot. *Anthropological Notebooks*. Vol. 25. No. 1. P. 57—76.

Kowal E. (2016) Descent, Classification and Indigeneity in Australia. In: Fozdar F., McGavin K. (eds.) *Mixed Race Identities in Australia, New Zealand and the Pacific Islands*. London: Routledge. P. 19—35.

Krosch A. R., Berntsen L., Amodio D. M., Jost J. T., Van Bavel J. J. (2013) On the Ideology of Hypodescent: Political Conservatism Predicts Categorization of Racially Ambiguous Faces as Black. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 49. No. 6. P. 1196—1203. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2013.05.009>.

Lambert B. (1966) Ambilineal Descent Groups in the Northern Gilbert Islands. *American Anthropologist*. Vol. 68. No. 3. P. 641—664. <https://doi.org/10.1525/aa.1966.68.3.02a00020>.

Peery D., Bodenhausen G. V. (2008) Black + White = Black: Hypodescent in Reflexive Categorization of Racially Ambiguous Faces. *Psychological Science* Vol. 19. No. 10. P. 973—977. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02185.x>.

Phinney J.S. (1990) Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. *Psychological Bulletin*. Vol. 108. No. 3. P. 499—514. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.108.3.499>.

Sharfstein D. J. (2006) Crossing the Color Line: Racial Migration and the One-Drop Rule, 1600—1860. *Minnesota Law Review*. Vol. 91. P. 592—656.

Skidmore T.E. (2003) Racial Mixture and Affirmative Action: The Cases of Brazil and the United States. *The American Historical Review*. Vol. 108. No. 5. P. 1391—1396. <https://doi.org/10.1086/ahr/108.5.1391>.

Smith A. D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell Publishing.

Sollors W. (2008) Ethnicity and Race. In: Goldberg D. T., Solomos J. (eds.) *A Companion to Racial and Ethnic Studies*. P. 97—104. <https://doi.org/10.1111/b.9780631206163.2002.00013.x>.

Spencer R. (2004) Assessing Multiracial Identity Theory and Politics: The Challenge of Hypodescent. *Ethnicities*. Vol. 4. No. 3. P. 357—379. <https://doi.org/10.1177/1468796804045239>.

Stephan C. W., Stephan W. G. (1989) After Intermarriage: Ethnic Identity among Mixed-Heritage Japanese-Americans and Hispanics. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 51. No. 2. P. 507—519. <https://doi.org/10.2307/352512>

Teicher J. D. (1968) Some Observations on Identity Problems in Children of Negro-White Marriages. *The Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 146. No. 3. P. 249—256. <https://doi.org/10.1097/00005053-196803000-00006>.

Vermeulen H., Govers C. (eds.) (1994) *The Anthropology of Ethnicity: Beyond “Ethnic Groups and Boundaries”*. Amsterdam: Het Spinhuis.

Washington S. L. (2011) *Hypodescent: A History of the Crystallization of the One-Drop Rule in The United States, 1880—1940*. Princeton, NJ: Princeton University.

Wimmer A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. New York, NY: Oxford University Press.

Zotova O. Yu., Tarasova L. V., Solodukhina O. S., Fairushina Z. F. (2018) Specific Features of Ethnic Identity in Children from Mixed Marriages. In: Malykh S., Nikulchev E. (eds.) *Psychology and Education — ICPE 2018. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Vol. 49. P. 824—831. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.11.02.94>.